

Дарья Наместникова

НАБРОСКИ

18+

Дарья Наместникова
Наброски.
Автобиографический роман с
терапевтическим эффектом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69222187
SelfPub; 2025

Аннотация

Что такое любовь? Дар это или испытание? Как она рождается, как преобразуется со временем, есть ли у неё конец?

Монолог от первого лица охватывает три десятилетия: 90-е, 2000-е, 2010-е.

Начало девяностых, смутное время. Взрослые пытаются выживать и зарабатывать, а у подростков происходит юность, их волнуют совсем другие вещи... Площадка детского сада вечерами превращается в место встречи дворовой компании. И там, на обшарпанной веранде, девочка влюбляется в мальчика, не подозревая, что навсегда.

В 14 лет отношения заканчиваются разбитым сердцем. Но это лишь первый этап. Любовь вернётся к героине ещё не раз: в 18, в 30, на пороге 40...

Эпохи, страны, города будут сменять друг друга. Она и сама изменится.

Но любовь останется с ней. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

И тогда она решится на откровенный разговор с собой, и задаст неудобные вопросы, и честно на них ответит. А потом напишет этот текст, чтобы, наконец, стать свободной и продолжить путь.

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА I. Подростковье	10
ГЛАВА II. Универ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Наместникова

Наброски.

Автобиографический

роман с терапевтическим

эффектом

Пролог

«Над крышею небо,
Всему своё время...»
(гр. «Чайф»)

– Знаешь, в школе, в старших классах, мы писали сочинение. Такое... Тестовое, в качестве промежуточной проверки. Помню, в тот день в город пришла настоящая весна. Окна кабинета литературы выходили на бульвар...

Да, прямо сейчас я вижу эту картину.

С портретов по периметру равнодушно взирают великие.

Лучи солнца идут параллельно, сколько могут, потом попадают на чьи-нибудь часы, значок или заколку и начинают

носиться сумасшедшими зайцами.

Форточки приоткрыты, чтобы хоть немного унять чугунные батареи.

Но всё равно – жара царит над классом.

Сонную тишину нарушает только скрип старых парт, которым эта тишина по барабану.

Ребята уgomонились, хмурятся, чешут носы и водят по бумаге шариковыми ручками. Кто стремительно, кто еле-еле.

Моё сочинение готово. Я не цедила его по капельке, а выплеснула на тетрадный лист одним движением, целиком. И теперь есть время на тонкую полоску между форточкой и рамой. Ярко-синюю полоску, сквозь которую просачиваются, протискиваются с бульвара звуки, запахи, краски.

Там жизнь, свобода. Там любовь...

Через несколько дней мы разбираем работы. Преподаватель литературы – не женщина, а дама. Серебряный век, тонкая кость, благородный профиль, «дыша духами и туманами», всё такое.

Она любит тех, кто любит Цветаеву, Ахматову. И слушая их на конкурсах чтецов, скрещивает тонкие пальцы, прикрывает глаза, кивает в такт.

Я люблю Есенина и читаю на конкурсе его не самое салонное стихотворение. «Можно было что-то приличнее выбрать!» – качает головой А.Г.

Хотя, в принципе, ей всё равно. У меня твёрдая четвёрка по русскому и пять с минусом по литературе, но я не вхожу

в сферу её интересов.

Возможно, потому, что не формат, не категория.

Недостаточно интеллектуальна, но и не глупа, на золотую медаль не претендую, но никогда не троечник. И вообще сама по себе.

Она словно чувствует, что во мне что-то есть, но никак не может нащупать.

Это чуть-чуть раздражает. Её. Не меня.

«Послушай, – говорит А.Г., помахивая в воздухе тетрадкой, как веером. – Послушай, у тебя странное сочинение. Да, я поставила пять с минусом. Но... Это, правда, странно. Ощущение, что ты идёшь по коридору и заглядываешь в разные комнаты. Нет чтобы выбрать одну и всё подробно рассмотреть! Здесь побыла, там побыла. Очень странно... Не сочинение, а наброски!».

С тех пор прошло тридцать лет.

И триста раз я удивлялась избирательности памяти.

По какому принципу она игнорирует одни события, встречи, поступки, добросовестным дежурным стирая мел с доски?

И почему другие фразы (конкретно эта, про наброски) написаны на лбу несмываемым маркером и определяют всю последующую линию поведения?

Всю дальнейшую судьбу.

Преподаватель литературы смотрела в корень. Моя жизнь похожа на наброски. Как минимум, в работе. Как максимум,

в любви.

Профессии «наброски» пошли на пользу: я достаточно набралась, наслушалась, насмотрелась, напробовалась, натренировалась.

Софт скиллс, так это вроде называется?

А вот любовь...

Как пел герой Ярмольника в «Перекрёстке»:

«Всё мне кажется, я

На нём свернул не туда».

Иногда мне тоже кажется.

Нет, не каждый день. Не в суете рабочих будней, не в простых житейских удовольствиях...

Знаешь, есть время – раннеутреннее – когда на свете настолько тихо и чисто, что правда умножается на два, а то и на три. И ты хотел бы от неё отмахнуться, но не можешь. И ты хотел бы не понять, но понимаешь. Как-то само понимается, вне зависимости от твоих планов и предпочтений.

Что понимается? Ну... Что это была любовь.

Как у Roxette, “It must have been love”.

Моя. Большая. Самая.

М.Б.С.

Любовь, из которой я вышла, как из одной из тех комнат, не успев разобраться.

Любовь, в которой я не осталась.

Может, к счастью. Скорее всего, к счастью.

Любовь, которую я не заслужила.

Но которая была такой настоящей, что на вопрос «Верите ли Вы в любовь?»,
я неизменно отвечаю:
«Да».

ГЛАВА I. Подростковье

«Пустынной улицей вдвоём
С тобой куда-то мы идём...»
(В. Цой, гр. «Кино»)

– Ну, слушай, ноу драма. Было бы грустно, если бы всё это время я сидела с прялкой у окна, смотрела вдаль и ждала своего ненаглядного. Нет, нет, что ты!

У меня получилось чудесное тридцатилетие, полное открытий, встреч, путешествий и приключений.

Я училась, работала, дружила, смеялась, любовалась закатами и рассветами, фотографировала, сочиняла, помогала...

Я влюблялась.

Я жила!

Почти всегда я жила без него.

И почти всегда я жила с ним: он оставался в моём сердце, он никогда оттуда не уходил.

– Ладно, давай по порядку.

Представь: «лихие 90-е». Самое начало.

Мне и моим друзьям по 14-17 лет.

Мы – идеальная иллюстрация эпохи: бывшие октябрята,

бывшие пионеры, несостоявшиеся комсомольцы, правильные, послушные девочки из хороших семей, входим в новый мир.

Этот мир ещё катится по инерции, по старым рельсам. Но в этом мире уже не надо быть правильным.

Надо быть дерзким, «чётким», курить в подъездах, носить блестящие лосины и выливать тонны лака на стоящую волной чёлку.

И подругам, и мне, действительно, повезло с семьями.

Наши родители, ещё более правильные и послушные, очень любят нас.

Но теперь им не до нас. Совсем.

Послушай, те, кто сегодня восхищается «прекрасными свободными 90-ми», понятия не имеют о той эпохе.

Это не была свобода.

Это был хаос, беспредел и волчий закон.

Добыть колбасы, продержаться пару месяцев без зарплаты, придумать, где заработать нам деньги на джинсы – вот главные задачи родителей.

А ведь их никто этому не учил. Их к такому не готовили...

Иногда я спрашиваю: «Мы же виделись рано утром, до школы. Потом поздно вечером, перед сном. Неужели вас не волновало, где я проводила дни напролёт, с кем?».

Отвечают, что полностью мне доверяли.

Но, по факту, они выживали в новой реальности без правил.

Там, в принципе, никому нельзя было доверять. Кроме собственных детей.

Да, я думаю, нам просто очень повезло. Мне и моей семье. Моим подружкам и их семьям. Каким-то чудом наше подростковое не стало страшной сказкой, а превратилось в источник тысячи и одной истории. «А помнишь, как мы?».

Помнишь наш старый двор? С футбольной коробкой по центру.

Помнишь детский садик? И пять веранд по пяти углам. Днём там гуляли дети.

Вечером тусовались мы. Несколько подружек-одноклассниц и старшая сестра одной из нас.

Сумерки медленно заливали территорию садика. Мы пробирались внутрь сквозь дыру в заборе. Обшарпанная веранда становилась нашей гостиной, клубом, великосветским салоном. Мы рассказывали друг другу небылицы, листали модные журналы, слушали кассетный магнитофон и мечтали.

Однажды в детский садик забрели два парня из соседнего двора.

Мы знали толк в хорошей беседе.

И они остались. Затем к ним присоединились ещё двое. Ещё. И ещё.

Вскоре у нас сложилась компания, о которой снимают сериалы, типа, «Беверли Хиллс 90210», или «Элен и ребята».

Чем мы занимались? Сложно поверить, но всё было в высшей степени пристойно.

Родители не зря нам доверяли.

Гитара, разговоры, смех, настольные игры, футбол в «коробке»...

И мороженое коробками.

Пломбир, шоколадное, из ближайшего гастронома.

Да, все курили. Да, кто-то мог сказать пару слов на «исконном русском».

Но эти же люди, вот эти вот самые, бежали со всех ног смотреть мультики Диснея, когда мама подружек кричала в окно: «Утиные истории!».

Память не только избирательна. Она изобретательна.

Играя на наших чувствах, память записывает информацию то в виде запахов, то в виде звуков...

Будешь смеяться, но почти каждая любимая песня связана у меня с человеком, местом или событием.

А ещё лучшие моменты сохраняются картинками, иногда – коротким метром, клипами, видеороликами.

Например, вот август, темнеет рано, все собрались вокруг большого деревянного стола, одни играют в карты, другие на гитаре. Вдруг, как по команде, все поднимают головы, а там, над нами – огромное, высокое, темно-синего бархата небо. И россыпи звезд, театрально ярких.

И сразу тишина. И никто уже не крут, мы – просто дети и лучшие друзья.

Мы сидим, молчим и смотрим на звезды.

А в это время распадается на части СССР.

И мы тоже скоро разойдёмся, кто куда.

И наш детский сад перейдёт к серьёзной конторе.

На месте детских площадок построят штук восемь капитальных кирпичных гаражей.

И на месте спортивной площадки, где наши мальчики играли в футбол, тоже.

И дыру в заборе заделают.

И этот тёплый летний вечер больше не повторится. Никогда.

Но... Благодаря картинке звездного неба я всегда могу вернуться и в свои 14, и в наш детский сад. И там всё будет, как прежде.

– Я не помню момент, когда в компании появился М.

Но точно помню, что «свита делала короля».

О нём говорили с придыханием. Как о местной легенде.

Независимый. Непредсказуемый. Никто не знал, придёт ли он сегодня.

Но если приходил, его появление действовало на других парней гипнотически.

Он уводил их с собой, как заклинатель змей. Да, они просто вставали и шли за ним. А мы оставались.

Ему было 17 лет. Его фамилия звучала как кличка.

Парни намекали, что у него проблемы в семье.

Он учился в кулинарном техникуме.

У него был выразительный нос и волевой подбородок.

И прядка волос, которая никак не хотела пригладиться, причесаться.

Не имея особого слуха, он пел под гитару низким хриплым голосом.

Косил под Цоя, конечно. Как же ещё.

Красиво курил, прищуривая глаз цвета холодной осенней воды.

Он был... Он был очень бедно одет. Вместо модных джинсов – дурацкие штаны с «коленками» и невнятная коричневая куртка.

Сейчас я это понимаю. А ещё понимаю: его харизма давала такую мощную волну, что всем было наплевать на прикид.

Короче, М. был реально крут.

Точнее – нереально крут.

И я никогда, никогда, никогда не думала о нём как о возможном парне.

Мне вообще нравился другой. За глаза мы звали его «Пашка Корчагин».

Скромный герой невидимого фронта. Молчаливый. Застенчивый.

Высокий. Сильный.

Он подходил мне гораздо лучше.

М. был почти одного роста со мной. Чуть выше...

Ему подошла бы хрупкая, миниатюрная брюнетка, французы таких называют “femme de roche” (карманная женщина). Или, наоборот, роскошная блондинка наподобие Аниты

Экберг, что купалась у Феллини в фонтане Треви...

Поэтому один из моих главных вопросов без ответа:
«КАК? КАК НАС ПРИТЯНУЛО ДРУГ К ДРУГУ?».

Этого просто не должно было случиться.

Но это случилось.

Случилась моя первая и, наверное, единственная настоящая любовь.

Надо ли рассказывать, что в компании нас не поняли.

И не поверили.

И откровенно посмеялись.

И говорили мне: «У него в каждом общении таких, как ты, с десяток!».

М. был молодым породистым волком.

А я была Тотошкой. Да, да, тем самым смешным, растрёпанным, жизнерадостным пёсиком из «Волшебника Изумрудного города». Я ничего не понимала про себя и свою внешность. Меня никогда не учили одеваться и следить за собой. И мой, скажем так, «лук» представлял дикую смесь случайных вещей, нелепых украшений.

А ещё– макияж, сделанный одной помадой (на губы, на скулы, на глаза).

Хочешь знать мой лучший выход?

Красный бомбер, чёрная мини-юбка, высокие тётини сапоги.

Молния на одном сапоге не работала, и я закалывала её булавкой (как Джулия Робертс в «Красотке»). Обе пятки на

сапогах были потёрты, и я закрашивала их чёрным фломастером. Иногда, чтобы произвести впечатление, я добавляла к наряду лосины. Чёрные, с зелёными цветами, усыпанными блёстками.

Блеск и нищета куртизанок. Современные стилисты пищали бы от восторга!

Я никогда не была девочкой-девочкой. Ну, из тех, которые «реснички-косички-каблочки».

Тотошка. Да, всё правильно, я была щенком, что мчится – пушистые уши назад. Что виляет хвостом, и всем рад, и за любой движ.

И компания – прежде всего!

Смешная девчонка, нелепый щенок.

Да, если честно, я не понимаю, что во мне зацепило М.

И, кажется, М. сам не понимал.

И был удивлён.

Конечно, всё можно списать на гормональный взрыв. Бедные подростки!

Но, оценивая ситуацию с высоты возраста и жизненного опыта, я уверена:

между нами было нечто большее, чем поцелуи в подъездах.

Что-то такое... Руками не потрогать, словами не назвать.

Когда я пытаюсь сформулировать, обозначить, дать определение, мысль ускользает, тает утренним туманом под лучами беспощадного здравого смысла.

– Любовь...

Сколько бы о ней ни писали, ни снимали фильмов – всё мало, всё смутно, всё на 1%. Никто точно не знает, что она такое, как работает.

Неведомая сила, неподконтрольная, вне логики и разума.

Почему именно этот человек? А не другой, в сотню раз более надёжный, достойный, понятный...

Почему именно эти глаза, улыбка, рисунок вен?

Однажды белый свет сходится клином.

И ты отказываешься принять, признать, что с этого момента с кем бы ни была – будешь либо с ним, либо без него.

Речь не про симпатию, не про комфорт или совпадение взглядов.

Так тоже можно жить. И очень хорошо жить. Очень радостно жить. Проверено.

Речь про чувство, когда ты шёл, шёл – и пришёл.

И никого другого тебе не надо.

Только его.

Того, с кем у тебя самая счастливая улыбка.

– Кстати, я совсем не помню наш первый поцелуй. Когда это было, как, что я почувствовала? Вот первый поцелуй с парнем, которого я не любила – да.

Будьте любезны, в мельчайших деталях.

В. случился за полгода до всех этих событий, до компании из детского садика.

Как Нео в «Матрице», я вела двойную жизнь. Днём была примерной ученицей. Носила юбку ниже колена и морковного цвета дутое пальто. Родители купили его в «Детском мире» на улице Куйбышева. И оно было ужасно.

Силуэт, ткань, нелепый цвет спелой морковки.

К пальто прилагалась вязаная шапка. Тёплая и не менее ужасная.

И никакой помады. Унылое зрелище, чего там.

Зато вечером....

В ход шла та самая мини-юбка, лосины и улучшенные фломастером сапоги.

И никакой шапки. Какая шапка, о чём речь?

У подъезда меня ждал В.

Я спускалась, он неспешно докуривал сигарету, а дальше – по «тёмным улицам вдвоём с тобой куда-то мы идём»...

Две мои жизни никак не пересекались. Но однажды матрица дала сбой.

Выйдя из школы, я нос к носу столкнулась с В.

Оказалось, его лучший друг встречался с моей одноклассницей. И всё бы ничего, но парень-то вечерний, а одета я по-дневному. Морковное пальто, дурацкая шапка...

«Хм, – пробормотал В. задумчиво. – Вечером ты выглядишь... эффектнее!».

Учитывая подростковый возраст, эти слова должны были отправить меня в глубокий нокаут. Но нет! Во-первых, в то время я ещё была самоуверенным щенком, во-вторых – и это главное – я НЕ БЫЛА ВЛЮБЛЕНА.

Мы просто ходили вместе по тёмным улицам.

«Ну, неэффектна значит неэффектна, – пожала я плечами. – Вечером-то зайдёшь?».

Сбой матрицы никак не сказался на наших прогулках. Мы расстались несколько месяцев спустя совсем по другой причине.

Морковное пальто-дутьш не помешало ему поцеловать меня в один из следующих вечеров. Странно... Я практически забыла первый раз, но воспоминание о первом поцелуе с В. – совершенное 3D, не тускнеет с годами, никуда не девается, правда.

Я отчётливо помню: меня взяли и подбросили прямо к звёздам, а потом аккуратно и нежно вернули на холодную скамейку...

– С М. всё было по-другому. Влюбившись, я растворилась в нём, как сахар в кипятке. Каждое его слово становились для меня истиной.

Я всегда ждала встречи с ним (мы никогда не договаривались заранее), гипнотизировала телефон: «Пожалуйста, позвони!».

Ходила кругами вокруг его дома: вдруг он выйдет по делам, а тут я. Случайно!

Я забыла о времени, когда мы валялись в сугробах. Контрольные 9 вечера давно прошли. Меня потеряли дома, и дедушка отправился на поиски.

О дедушке должна быть отдельная книга. За всю жизнь мы с ним ни разу не поссорились. Ни разу за почти сорок лет он не поднял на меня руку, даже для банального подзатыльника или шлепка. И всего два раза накричал.

Первый раз произошёл именно зимним вечером, в нашем заснеженном детском саду.

Когда тебе 14 и у тебя первая любовь, ты не только не следишь за временем, ты вообще не знаешь, что такое часы. Зима, темнота, огни вдалеке, сугробы, «тот самый» мальчик...

Потом я увидела лицо деда.

«Что же ты ведёшь себя как «неприличная женщина»?» – возмущённо сказал он.

Не матом даже, а чем-то вроде «шалава».

Но этого мне хватило, чтобы спуститься с седьмого неба и быстренько прийти в себя.

Десятилетия спустя мы с ним вспоминали случай в сугробе.

«Дед, – говорю. – Как же ты мог ТАК меня назвать?».

«А чего ты хотела? – отвечает. – Я слишком за тебя волновался!».

Никогда больше я не слышала от деда ничего подобного

в свой адрес.

Может, потому, что стала лучше себя вести.

А может, дед решил: ну, ладно, ну, шалава, что поделаешь, главное, чтобы человек был хороший.

Той же зимой я испортила кроличий полушубок, который мама дала мне «на выход». Я стояла в нём под мокрым снегом, почти дождём, не в силах уйти от М.

Не в силах отпустить его руку.

Кролик был испорчен. Как и моя репутация. И я больше не могла рассчитывать на ценные вещи. По крайней мере, до конца буйного подросткового.

Но мне было всё равно.

Мне было безразлично, что надеть на выпускной в девятом классе.

Кажется, я даже не помыла волосы, быстро собрала их в хвост с «петухами». Поднялась на сцену, получила аттестат о неполном среднем. Хороший аттестат, кстати, сплошные «четыре» и «пять». И загадала увидеть М. вечером. Но он не пришёл.

Очень быстро прошло лето.

А потом наступила осень.

М. попал под призыв и сразу объявил, что я – маленькая, ждать не имеет смысла. «Ну, ты пиши, если что, не забывай».

В один из последних вечеров М. зашёл ко мне домой. Я вышла в подъезд. С ним был друг. Не помню, о чём мы говорили. Но в конце я вдруг кинулась ему на шею, обняла изо

всех сил и не шепнула, нет, прокричала: «Я люблю тебя!».

Знаешь, в кино иногда используют приём: герой видит себя в прошлом, смотрит на происходящее как зритель, со стороны.

Сейчас я, взрослая, смотрю со стороны на эту сцену. И мне очень жаль глупую девочку, которая совсем не умеет сдерживать чувства.

Но в то же время я горжусь наивной девочкой, такой искренней, такой самоотверженной, вне правил и условностей.

Которая совсем не умеет прятать чувства.

Которая не боится их показать.

– Да, мне жаль себя, маленькую.

Мне жалко детей, «особенно всех».

Сквозь годы я ощущаю свои сомнения, комплексы, страхи. Неуверенность. Зависимость от чужого мнения.

Как-то раз один из «не наших» взрослых парней, сделал замечание по поводу аспекта моей внешности. Сделал мимоходом, через пять минут забыл, а я очень долго жила с этой этикеткой.

Девочки-подростки сильно верят критическим замечаниям.

Тем более парней. И тем более – если они старше.

Зря, конечно. Но ведь в то время я еще не зарабатывала деньги своим умом, не видела Венецию, Флоренцию и Рим,

не встречала закат на Адриатике, не знала, как может смотреть мужчина, у которого от тебя «крышу сносит», не читала Хемингуэя, Ремарка, Виана и Харпер Ли и много чего классного ещё не делала.

И у нас тогда не было Интернета.

Поэтому казалось, что весь мир – это класс, двор, ну, максимум, Компрос, парк Горького и пара центральных районов.

И в этом мире кто-то, пусть не самый умный, красивый и достойный, но самоуверенный, назначил себя главным и диктует правила, по которым живёт твое общество, тусовка.

Эти правила четко отделяют «крутых» от «некрутых».

И «некрутым» остается два пути: либо быть на подпевках в стае «крутых», либо оставаться в одиночестве.

К счастью, тот комментарий был одним из немногих эпизодов, а в целом мне повезло и со школьными друзьями, и с дворовыми, я почти не знала, что значит быть «некрутым». Мы принимали друг друга. И никогда не критиковали за внешность.

А потом начались путешествия, встречи, чтение, фильмы, универ, работа.

Мир становился всё шире и шире. И однажды обидная этикетка отклеилась сама собой: мне просто сказали, что я очень красивая. Сказал человек, чьё мнение было действительно важно.

Могу ли я что-то посоветовать 14-летним? Нет. У каждого

свой путь.

Но я могу рассказать, во что верю.

Я верю, что добро и правда побеждают. Всегда.

Верю, что по-настоящему добрый человек никогда не загонит тебя в угол дурацким замечанием. А если он недобрый, не надо прислушиваться к его словам.

Я верю, что мир огромен, бесконечен, многообразен.

И каждому найдется место в нём.

Только не надо бояться быть собой.

Только надо стремиться быть свободным.

От предрассудков, сплетен, шепота за спиной.

И надо искать «своих», таких же свободных, настоящих, воспитанных, умных и добрых. Как ты.

– Друзья не понимают (да ты шутишь! как вообще такое можно смотреть?!), почему мне нравятся «Сумерки».

Всё просто: я это прожила.

Как Белла, я закрылась в комнате.

Закрывалась по вечерам, потому что учёбу никто не отменял.

Да, днём это была учёба в сильном классе. Я со своими гуманитарными мозгами штурмовала физику, алгебру, геометрию.

Писала доклады на французском.

Участвовала в конкурсах стихов.

А вечером я выключала свет, ложилась на диван и часами

слушала магнитофон, уткнувшись в одну точку, вглядываясь в пустоту.

Ни семья, ни друзья не подозревали о моей моральной бездне. Уже тогда я умела держать лицо.

Но с темнотой всё разбивалось вдребезги.

И к утру мне приходилось собирать себя, как мозаику.

Чтобы продержаться ещё один день и в сумерках снова разлететься на тысячу кусочков, каждый из которых тосковал и плакал.

Это было слишком больно.

И слишком страшно.

Я быстро усвоила урок. В свои четырнадцать поклялась, что никогда больше:

– не дам разбить сердце;

– не буду ни за кем бегать.

Поклялась и сдержала слово.

За тридцать лет я не бегала ни за одним мужчиной.

Ни-за-од-ним.

– Как я справилась? Сами того не зная, мне помогли друзья.

И новаторство в системе образования.

В десятом классе нашу параллель перемешали.

Вместо традиционных «А» и «Б» появились «гуманитарный» и «политехнический».

И почти сразу возникла школьная «банда» во главе с преподавателем

информатики. И всё закрутилось-завертелось...

Если бы мне тогда сказали, что школы 21 века будут с металлоискателями и

видеонаблюдением, я бы сильно удивилась.

В моей школе на входе сидела почти столетняя баба Маня.

А двери были открыты круглосуточно. По крайней мере — для нас (благодаря дружбе с ночным сторожем).

Мы были королями школьных чердаков и подвалов, покорителями новых кожаных диванов в учительской.

Коридоры служили нам футбольными полями, а окно однажды стало воротами.

Мы тусовались в каморке информатика. Это слегка напоминало «детский сад».

Там тоже были гитары. Но уже другие.

В таинственном полумраке нам открылись Pink Floyd, Sade и Dire Straits.

И были разговоры по душам. И мороженое. Как в «сади-ке».

Только уровнем выше.

— Взрослые умело направили нашу бурную энергию в нуж-

ное русло.

Несмотря на развал страны, школа – каким-то чудом! – получила пристрой, современное здание с большим спортзалом, просторной столовой и десятком новых кабинетов.

Мы с друзьями немало сделали для этой стройки: таскали что-то на носилках,

чистили снег, разгребали мусор, а потом долго отмывали коридоры от ремонта.

И всё это – весело и от души, просто потому, что классно быть вместе.

Руководство оценило трудовые подвиги: в осенние каникулы нас совершенно бесплатно отправили в Санкт-Петербург.

– Денег тогда не было от слова «совсем». Родители выдали мизерную сумму на текущие расходы.

В Питер мы ехали в плацкарте, на «боковушках». У кого-то из друзей сохранилось видео: наш старший товарищ-информатик идёт по вагону, снимает, как мы – супер-правильные девочки и мальчики – сидим на полках и увлечённо читаем. Это был муляж. Если приглядеться, рядом стоят эмалированные кружки, а в кружках – пузырьки.

Жить предстояло в общежитии гостиничного типа (30-40 минут от Невского проспекта). Комнаты выстроились квадратом вокруг кухни и санузлов.

В нашей с девчонками спальне на троих было «шикарное» зеркало, всё в фантиках Love is, высотой сантиметров 50, шириной – не более 10. Но мы были скромны, неприхотливы и находчивы, с помощью этой узкой сверкающей ленты можно было прекрасно накраситься: смотришь каждым глазом попеременно.

На стенах висели плакаты с Ван Даммом. Насчёт мебели не помню...

Кровати точно были, факт.

Санузел насчитывал несколько душевых. В одной душевой не было света, зато отлично закрывалась защёлка. В другой свет был, но защёлка не работала. В третьей работало всё, но не было воды. Очередь в душ мы занимали с вечера. Но в юности эти мелочи вызывают разве что смех!

Народ был одет... своеобразно. Сейчас кажется, что бедно и нелепо. Однако в те дни я считала, что жизнь удалась: ведь у меня был китайский пуховик, ангорский капор цвета «баклажан» и джинсы!

А ещё прямо перед отъездом я покрасила чёлку хной.

Экскурсии прошли мимо. Эрмитаж запомнился лишь жарой и духотой, мы с девчонками тайком прижимали ладошки к прохладным каменным чашам...

Руководил туристической группой учитель информатики.

Дома, в Перми, у нас была тусовка. А в Питере 24-летний парень вдруг (!!!) осознал степень риска: двадцать отвязных, неконтролируемых, слишком взрослых подростков, как го-

ворила моя бабушка «без царя в голове», а он несёт за нас ответственность.

Начались санкции. Ровно в 20:00 полагалось расходиться по комнатам и сидеть тише воды, ниже травы. Для нас, дворовых детей 90-х, это был вызов.

И ровно в 20:00 мы вышли в холодную питерскую ночь искать приключений на ...

Мы брели по пустынным улицам, мимо тёмных переулков и дворов-колодцев.

Питер переживал трудные времена. Фасады красивых, но заброшенных домов грустно смотрели нам вслед. То тут, то там чернели выбитые окна, шершавились облетевшей штукатуркой стены.

К счастью, никаких приключений мы не нашли, зато нашли первый в жизни супермаркет, маленький финский магазинчик круглосуточной работы.

А в нём я впервые увидела ЙОГУРТ.

Деньги почти закончились, и мы просто полюбовались на красивые баночки.

Но одна девочка – В. – купила домой блок из 4-х штук.

И, добрая душа, дала нам попробовать по ложечке.

О, да! Я помню тот волшебный вкус йогурта с персиком. Символа новой эпохи, в которой будет ещё много «впервые».

– Старшие классы взяли меня в оборот. Я снова почти не

появлялась дома, перестала прятаться от жизни, окунулась в неё с головой.

Мне снова стало интересно. Что? Всё!

Я тогда напоминала туземца, который вдруг оказался в Париже!

И во все глаза смотрел и слушал...

Кстати, о Париже. Я попала туда в выпускном классе. Много участвовала в общественной жизни. Написала доклад о Ле Корбюзье и его архитектурных достижениях, заняла призовое место и поехала во Францию в рамках культурного обмена школы и лица.

В девяностые, представляешь?

Бесплатно!

Париж, Орлеан, замки Луары, побережье Атлантики.

Лувр.

Центр Помпиду.

Елисейские, понимаешь ли, поля.

Эйфелева башня, с высоты которой трудно было разглядеть мою первую любовь. Образ М. растаял облаком над Сенной.

– Однажды на улице я встретила его друга. Вежливо поинтересовалась, как дела.

Друг сказал, что в армии М. пришлось туго.

Я написала ему письмо, но ответа не получила.

Впрочем, мне уже не нужен был ответ.

Я изменилась.

Я увидела мир.

И этот мир окончательно вывел меня из туннеля под названием «М.».

Наша история закончилась.

Так мне казалось.

Так мне будет казаться ещё не раз.

ГЛАВА II. Универ

«Дай мне этот день,
Дай мне эту ночь,
Дай мне хоть один шанс
И ты поймёшь:
Я – то, что надо!»
(В. Сюткин, гр. «Браво»)

– Из французской школы дорога шла прямо на филфак.
На иняз.

Классический университет неохотно, но всё же распахнул передо мной свои благородные двери. По факту, это оказались не пропилеи главного здания с памятником Горькому, а скрипучая калитка пятого корпуса, вечно холодного, вечно голодного.

В 1994 году там, правда, было очень холодно. Ветер без труда пробирался к нам на лекции сквозь огромные щели в окнах.

А ещё было голодно. Столовая филологам не полагалась. Зато был буфет.

Если бы я вдруг решила снимать кино про то время, наш буфет стал бы одной из основных локаций. Небольшая комната с парой-тройкой столиков, покрытых сомнительной

клеённой.

Витрина. На витрине – сосиски в тесте, пирожное «Картошка» и корзиночки с кремом. Всем перечисленным можно было без труда забивать гвозди.

Даже кремом.

Но после четырёх пар эта витрина казалась скатертью-самобранкой.

Мы были молоды, как на подбор – с чувством юмора.

Мы отлично спелись нашей маленькой французской группой.

И за неимением кетчупа приправляли деревянные хот-доги безудержным смехом. До икоты, почти до слёз. Так смеются счастливые люди.

Мы поступили, мы студенты! Конечно, мы были счастливы.

Хотя тот семестр был, пожалуй, самым трудным.

Нам сразу дали понять: многие должны будут уйти.

Нам сразу внушили: придётся сильно постараться, чтобы заслужить право быть здесь.

Нам сразу объяснили: не прийти на французский можно только по причине перехода в мир иной.

Нас держали в постоянном стрессе. Говорили о конкуренции. Пугали сессией.

Как-то раз мы должны были писать решающий диктант.

Батареи почти не грели. Мы дрожали от холода (или от волнения?).

И первое, что увидели, открыв дверь в аудиторию.... Петлю на потолке!

Потом оказалось, что это никакая не петля, а электрический провод, к которому забыли приделать лампочку. Но впечатление мы получили неизгладимое.

Если бы я всё-таки снимала кино, та «петля» точно была бы в кадре.

– Незаметно наступил декабрь. И так же моментально закончился.

Я решила встречать Новый год со старыми школьными и дворовыми друзьями: отвлечься, отогреться, вспомнить детство.

Мы были у кого-то в гостях.

А потом туда пришёл М.

Проходить не стал. Вызвал меня в подъезд.

В том подъезде, промёрзшем, тёмном, мы провели несколько часов.

Мы говорили, говорили, говорили.

И всё началось сначала.

– Помнишь, я рассказывала, что французский можно было пропустить, только если не живой? В ту зиму я целых два раза прогуляла французский.

Оба раза из-за М.

Мы просто не могли друг от друга отлепиться.

У нас было сильное физическое притяжение.

И раньше, в мои 14.

И в 17. Тем более.

Скажешь, повеяло бульварным романом? Пошли мелодраматические штампы?

Ну, пусть идут.

Только так всё и было: когда он прикасался ко мне, по нему пробегал электрический ток. Когда мы целовались, у меня «плыла земля» (а я ведь даже не успела прочесть «По ком звонит колокол», я не знала ещё знаменитую метафору Хемингуэя).

Наступила весна. Почти все из справились с сессией, но несколькими девочками пришлось уйти в педагогический.

Мы с М. стали официальной парой.

В том смысле, что о нас узнали и друзья, и родственники.

В том смысле, что на свадьбу к ребятам из дворовой компании, из «детского садика», мы пришли вместе. И когда кто-то, разглядывая потом свадебные фотографии, сказал про М.: «Ух ты, какой интересный типаж!», ему тут же ответили: «Так, спокойно! Он встречается вот с этой девочкой!».

Да, у нас появились общие фото.

На них он всегда чуть наклонял голову в мою сторону. А я замыкала пальцы вокруг его руки.

У нас появились «наши» кафе и «наши» песни.

Он выучил мой любимый напиток (Мартини Бьянко).

Он знал, что я схожу с ума по клубнике.

Он писал мне милые записки.

А однажды принёс маленькое металлическое сердечко с гравировкой «Вместе навсегда».

– Это сердце хранится у меня рядом с его детскими снимками.

И взрослыми снимками, которые я сама сделала на «мыльницу».

Он такой красивый там. Смотрит прямо в глаза. И улыбается.

Недавно я пожаловалась подружкам, что никак не могу его забыть.

Рассказала про сердечко.

«Так!- решительно воскликнула одна из них.- Надо срочно избавиться от железяки! Ты, что, не понимаешь?! В выходные поедem в лес и закопаем под кустом!».

Мы посмеялись, я перевела тему.

Сердечко «Вместе навсегда» пока со мной.

– Спросишь, была ли я счастлива тогда?

Пожалуй.

Но...

Когда я смотрю на нашу историю из сегодняшнего дня, словно с вершины холма на окрестные просторы, чётко вижу: настоящая любовь была в четырнадцать.

В семнадцать был реванш.

Теперь я диктовала условия.

Теперь под меня подстраивались.

Не исключено, что подсознание ожидало компенсации за события трёхлетней давности. Хочешь пример? Родители подарили мне прекрасное персиковое пальто сложной конструкции. Талия выделялась поясом, который надо было аккуратно завязывать, распределяя складки. Каждый раз я возилась с пальто минут по десять, а потом наступала очередь высоких ботинок на шнуровке.

Догадываешься, кто этим занимался?

М. вставал передо мной на колени, нередко – в присутствии общих друзей – и терпеливо шнуровал, и смотрел снизу вверх своими глазами холодной осенней воды.

Почему я не могла надеть чёртовы ботинки сама, перед пальтовой эпопеей?

У меня нет ответа. У меня, конечно же, есть ответ.

– Знаешь, я много думала про свои четырнадцать.

Меня смущала и восхищала собственная непосредственность.

Меня пугала сила собственных эмоций.

Возможно, впоследствии я неосознанно сдерживала себя, притормаживала чувства.

Потому что...

Потому что я слишком хорошо знаю, как это — любовь пробивает плотину и сносит всё на своём пути.

Анализируя себя в четырнадцать, я вывела личную формулу любви.

Ну, не формулу, а тест «любовь — не любовь».

Любовь — это когда тебе все равно:

— сколько у человека денег;

— как он одет (и вообще — как он выглядит);

— кем он работает, насколько это престижно;

— какие у него друзья и родственники;

— грамотно ли он пишет;

— смешные ли у него шутки;

— дарит ли он тебе подарки, дорого ли они стоят;

— одобрит ли его твоя семья.

Тебе важно, что он жив и здоров. А счастье — когда он

рядом. Просто рядом.

И если судить с этой позиции, настоящая безусловная любовь была у меня в 14.

А всё остальное, давай откровенно, симпатия, уважение, партнерские отношения.

Потому что отныне и навсегда мне было
НЕ ВСЁ РАВНО.

– Интересно, какими мы стали три года спустя? Рассказать?

Что до меня, я, наконец, вылупилась в бабочку, научилась справляться с непослушными волосами, полюбила наряжаться.

Я смотрела по сторонам – на «англичанок», «немок», на нашу французскую кафедру. Я поняла, что ярко не равно красиво, что многоцветье требует мастерства, а значит – монохром и минимализм мне в помощь. Пока нет опыта. Пока нет денег.

Ещё поняла, что я – «попса», и надо срочно набираться ума-разума, навёрстывать, догонять новый круг общения. Я потихоньку знакомилась с джазом, открыла для себя бардов-шестидесятников, погрузилась в мир живописи, архитектуры.

И литература, конечно, да.

В эпоху до Интернета мы брали книги в библиотеке или

искали по знакомым. Перед каждой сессией эти книги (бесконечный список!) лежали стопками на письменном столе, на кресле, стульях, подоконниках. На полу. И всё это нужно было освоить.

И это было... волшебно!

Хочешь честно? У меня есть некоторые претензии к альма-матер: качество и количество занятий по переводу, может, ещё кое-что. Но я всегда буду благодарна за то, что нас заставили прочесть...

Я выросла. Я больше не была Тотошкой.

Я остро чувствовала свою привлекательность, но вместе с ней, не менее остро – недостатки, минусы, слабые стороны.

Я обзавелась страхом не понравиться. Раньше меня не заботило, примут ли меня в «приличном обществе». Теперь – всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.